

Эноб.

БИБЛИЯ БЕДНЫХ

Евгений Бабушкин

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Бабушкин, Евгений Анатольевич.

Б12 Библия бедных / Евгений Бабушкин. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 432 с. — (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-101908-2

О чем шушукуются беженцы? Как в Сочи варят суп из воробья? Какое мороженое едят миллиардеры? Как это началось и когда закончится? В «Библии бедных» литература точна, как журналистика, а журналистика красива, как литература. «Новый завет» — репортажи из самых опасных и необычных мест. «Ветхий завет» — поэтические рассказы про зубодробительную повседневность. «Апокрифы» — наша история, вывернутая наизнанку.

Евгений Бабушкин — лауреат премии «Дебют» и премии Горчева, самый многообещающий рассказчик своего поколения — написал первую книгу. Смешную и страшную книгу про то, как все в мире устроено.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

Евгений Бабушкин
БИБЛИЯ БЕДНЫХ

18+

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 16.02.2017

Формат 60х90/16 Усл.печ.л.27

Тираж 1500 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги и брошюры

Руководитель проекта *И. Данишевский*

Ответственный редактор *Е.Кравченко*

Дизайн обложки *Е. Петрова*

Компьютерная верстка *А.Грених*

ООО «Издательство АСТ»

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 3, комната 5

ISBN 978-5-17-101908-2

© Проект «Сноб»
© Евгений Бабушкин, текст
© Евгений Бутенко, Соня Коршенбаум,
внутренние иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Огород небесных мук

— Т + —

Весна Володи. Глад

В конце весны истлел последний самолет. Город отрезало. Вдоль моря встала очередь за хлебом. Взял дед лопату, сказал: идем. И Володя пошел. И все пошли.

Раньше люди летали за море к другим городам. Покупали там всякие вещи. Дед привозил тушенку, сахар, чай, петуха на палке. Теперь в пустом аэропорте висел полосатый носок — указатель ветра. Валялся винт.

Взлетную полосу уже взрыли. Над ямамигнулись дети и старики. Один упал.

— А кого понесли?

— Никого. Копай.

— А куда понесли?

— Никуда. Копай.

— А зачем понесли?

— Низачем. Копай. Жди цветочков синих.

Впереди было девяносто дней ледяного лета. Володя с дедом рыли ямы и клали туда клубни. Другие тоже рыли и клали. Картофель сажать было поздно, но больше сажать было нечего.

— Жди цветочков. Если не засинеют, положу камней в пиджак и шагну в море, а ты береги крупу и помни лес. В июле морошка. В августе черника. В сентябре брусника. Сладкий будет год.

В июле побил морошку, в августе побил чернику, в сентябре побил бруснику. Но картофель взошел. Все выжили. И Володя выжил.

Это правда было.

Это был я.

Лето Лены. Брань

В земле яма, в яме — деревня, в деревне — дом. У дома стояла совсем черная девочка Лена. Она ездила вдаль, за границу, и там загорела так, что была как ночь. У нее

были глаза и ноги, как у взрослой. Мальчишки встали кругом и боялись тронуть.

— Там виноградины — такие, — сказала Лена и сложила ладони лодкой.

— Там помидорины — такие, — сказала Лена и замахнулась на луну.

— Там арбузины — такие, — и показала что-то размером с мир.

Осенью в яму стекала грязь. Зимой грязь леденела. Весною на лед выходили меченые гуси со рваными дырами в лапах, и корка трескалась. Летом в яме стоял пар. Мальчишки потели полуголые. Старший сказал:

— Та ни. Мабуть брешешь.

Лена топнула ногой. Где-то грохнуло, и черное небо зарозовело. Дети стали слушать канонаду.

— А у нас бомби — ось таки! — сказал старший.

И все засмеялись. Грохотало часто, но далеко. Скоро обстрел закончился. Запели кузнечики. Вышла бабушка, покричать-поплакать:

— Астры! Астры!

Растоптали дети огород.

Осень Олега. Мор

Прадед Олега сгорел в настоящем танке. Дед работал на танковом заводе. Папа — на игрушечной фабрике, делал танки один к сорока. Олег пока не работал. Он был ребенок. Он заболел легко, но непонятно, и его отправили в деревню к дяде и двоюродным сестрам. Одна потом попала в секту, а вторую убили. А пока все сидели на веранде и пили чай.

Вздрыгнуло в окне серебряной изнанкой листьев и стало ясно: осень. Дядя с трудом завелся и поехал обгонять ветер. Он был хороший садовод, но пил много водки и давал зверей для смеху. Он возвращался всегда веселый с тьмой и шерстью на колесах.

Люди и растения вырождаются. Сначала роза пахнет розой, потом теряет имя. Черешня плодоносит дюжину лет, а на тринадцатый год — конец: обтянутая кожей косточка.

В июне старая черешня не принесла плодов. Ее терпели до сентября. Сестры играли с ней: младшая теребила ветви, старшая вбивала гвозди в ствол. Но дядя взял топор, срубил, смеясь, черешню в три удара, подвел детей к змеистому стволу, дал пилу и сказал: пилите. И ушел.

— Ты пили,— сказала одна сестра.

— Ты пили,— сказала другая.

— Мы девочки.

— Мы смотреть будем.

— Потом скажем, что плохо пилишь.

— А ты хорошо пили.

— Старайся.

— Там цветные бусинки внутри ствола.

— Бусинки.

— Будешь быстро пилить — увидишь бусинки.

— Будешь медленно — их воздух растворит.

— Не опоздай же.

Олег старался. Он пилил, как мог. Он распилил ее на дюжину частей, но бусинок не было. Не было никаких бусинок. Олег упал у останков черешни, сестры закричали, как птицы. Дядя поднял Олега и понес в дом. От него пахло мертвыми, и Олега стошнило с дядиных рук. Целую ночь катался Олег по кровати: опоздал, дурак, опоздал. А после целую жизнь.

Зима Зины. Смерть

Тузик жил звонко, но недолго. Сначала прыгал выше звезд, потом оказался сукой и оценился. А перед смертью всех заразил лишаем. «Я красивая? Красивая?» — лысая Зина ходила кругами. Зине было четыре. Тузику тоже. Он умер, как артист. Брызнул кровью, лег посреди двора, и первая снежинка растаяла на резиновом носу.

Земля промерзла. Рыть не вырыть. Продолбила бабушка ломом яму. Там, в огороде, уже лежали Дружок и три кота. Они давно стали морковкой и луком. Там Зинина мама, когда была как Зина, похоронила больную крысу, прыгнувшую с печки. Теперь с мамой тоже стало плохо. Зину за-

брала бабушка, мама кричала из телефона, а Зина ходила в капоре на бритом черепе и задавала вопросы:

- А зачем могила?
- А чтобы ты спросила.
- А зачем спросила?
- А пусть лежит.
- А зачем лежит?
- Огород удобряет.
- А зачем огород?
- А морковь, лук.
- А зачем?
- Съедем!

И бабушкин зуб сверкнул, как вся вечность в один день. Но Зина не испугалась.

- А зачем съедем?
- Чтобы выжить.
- А выживем?
- Да.

Сказки из-под земли

— Т + —

Кабаре «Кипарис»

В начале было так: все решили зарыться, чтоб их не убили. Не знаю, как там за морями, а тут бомбоубежища просты: двор, во дворе курган, в кургане штуки всякие, а сверху снег и собаки. Шли годы, было много малых войн и ни одной большой, курган стал не нужен, его расковыряли. А потом пришел один человек.

Ты дурак, ты глвань вокруг: тысяча домов по тысяче квартир, летом смрад, зимой холод, пьяные примерзают струей к бетону. Так говорили ему, а он отвечал: ага. Только тут и только сейчас я возведу лучшую кофейню в мире.

Итак, вначале была земля, и дыра в земле, и светлое пятно у входа в бывший бункер: лампочка в сто свечей разгоняла тьму. Потом из дыры запахло кофе.

И человек сказал:

— Я назову кофейню «Кипарис».

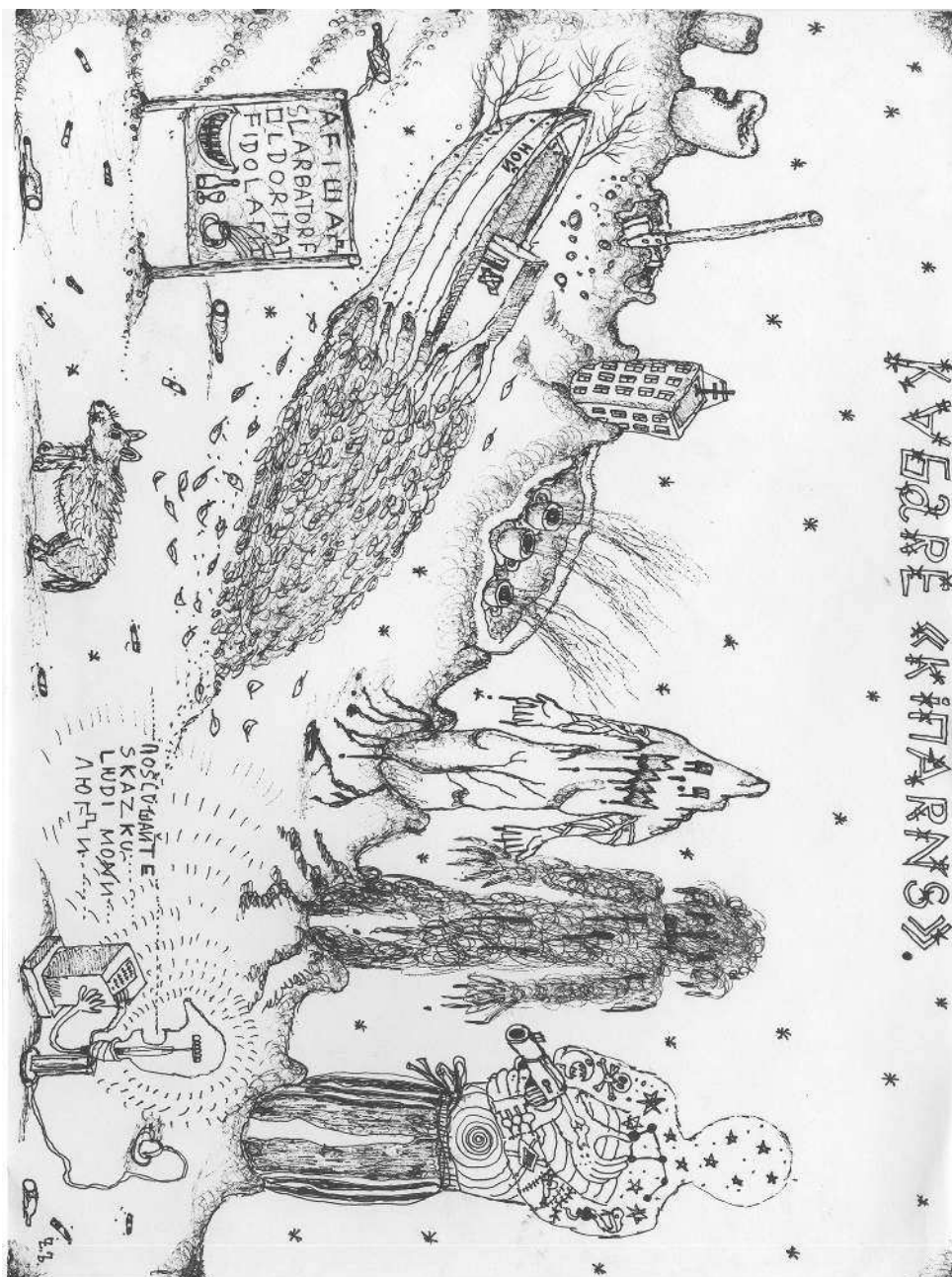
Когда у места только появилось имя, они пришли. Один черный — не как ночь, но как вчерашняя кровь на асфальте. Другой белый — не как снег, но как обломок зуба после драки. Третий просто, штаны в полоску.

— Кипарис — на пидарас похоже, — сказал третий и достал пистолет. Я там не был, но говорят, из дула дало льдом, будто ствол зарядили открытым космосом. Не хотел бы я получить такую пулю.

А у человека хобби: он ломает кости. Хвать — и пальца нет. Хвать — и нет запястья. В конкурсе костоломов человеку бы дали все медали. Бункер вздрогнул, что-то хрустнуло. Человек встал над убийцами и сказал:

— Кипарис посвящен Плутону, то есть покойникам, но не вам, пока еще не вам. Кипарис убил оленя, а после одеревенел, чтоб горько плакать, как вы сейчас, как вы. Из кипариса сколотили ковчег, чтоб все спаслись, и вы тоже будете спасены. Кипарис, наконец, — это просто красивое дерево. И звучит хорошо.

КВЕРЕ «КИТАРС».

Когда убийцы уползли, кофейня стала кабаре, потому что так звучит еще лучше. А потом человек нашел меня и просквозил меня взглядом от пуза до позвоночника.

Я, как и все, жил в одном из этих домов. На окраине окраин, в спальном районе, без надежды на пробуждение.

— Стой, — сказал человек. — Мне нужны герои.

— Ну, какой же я герой. Я наоборот. Пустите, я вообще за пивом.

— Какой-никакой, — сказал человек. — И отныне ты будешь только кофе.

Из остатков колючей проволоки мы сплели наши буквы. Старыми гирляндами связали их в слова. Замигало у входа: «Кабаре «Кипарис». Рядом повесили белый лист — афишу. В ней было про музыку, смех, страдание и кофе на халяву — каждый вечер.

Зашли первые гости, самые отчаянные: ну, светится из-под земли чего-то, как не зайти.

Я сел, сосчитал их глаза, помолчал, покачал ногой, и первое слово отразилось от голых стен. Послушайте сказку, люди мои, люди.

Понедельник. Сказка про арифметику

Каждый за себя, один Бог за себя и за того парня.

Жили три брата. Вместе учились, вместе не выучились. Иван клал дороги, Матвей строил дома, а Марк продавал телевизоры, чтобы люди не видели эти дороги и эти дома. В детстве все хотели ловить стрижей и прыгать по луне, но вышло как вышло.

Иван жил в общежитии, Матвей черт знает где, Марк снимал дыру в пригороде. Они плелись по жизни от лета к лету и не плодились, потому что женщины не рожают от бездомных.

Дом-то у них был, гнилая двушка в центре, но там жила старая мать, запивала снотворное водкой и кидала бутылки в распахнутое окно, прямо в черемуху. Детей она не любила, а любила зато большого кота, который кричал, как человек, и ел занавески от зависти ко всему живому и неживому.

ПОРЕЧЕЛЬНИКЪ. ЧРАЗКА
по АРЕНЕМУ

Когда стало совсем никуда, братья собрались у постели.

— Ну что, подонки. Скоро сдохну. Квартира — вам. Разбейтесь, как хотите. Чтоб вы все страдали, как я страдала. Пойди ко мне, сынок! — сказала она коту, но тот не стал.

Вскоре мать положили в ящик, ящик в землю, выпили водки, и больше никто никого не вспомнил.

Квартира была большая, но нет, не для троих. Братья молча разошлись по своим углам к своим женщинам.

— Не добудешь дом — дам студентам, — сказала женщина Ивана. — На меня смотрят, я ничего. Прямо у тебя на глазах, драные будущие юристы ко мне придут.

— Мне бы ребеночка! — сказала женщина Марка. — У меня-то никак, а у него все выйдет.

— Позвони Гайке, — сказала женщина Матвея, самая злая и бесплодная, потому что у нее никого не осталось и ни одна юбка ни к чему не подходила.

Смерть не смерть, а что-то над нами вьется вроде птички. Гайку посадили еще ребенком — украл ведро какой-то дряни. Потом в колонии кого-то зарезал и вышло здорово. Потом он стал ученый и уже не попадался. Говорили, Гайка убивает незадорого и даже бесплатно, если человек плох. А если не плох, то может и пощадить, потому что во всем должен быть порядок.

— Здравствуй, Гайка, — сказал Матвей. — Мне бы, это самое, знаешь...

— Знаю. Кого?

— Братьев.

— Сколько дашь?

— Машину. Больше нечего.

Настала зима, и двушка стояла пустая, два на три не делится. Братья торчали кто где и лишь раз поспорили, кто заплатит за свет и за воду и вынесет кошачий труп. Однажды раздался звонок, и Матвей услышал в трубке треск.

— Встретимся, — сказал Гайка. — За парком. На углу. У будки. Где тень всегда.

Матвей собрался. И пока шел, думал о потолках. Чистишь, грунтуешь, пока не высохнет, ждешь, и дальше, и дальше. А когда пришел, встретил братьев своих в одинаковых дутых куртках.

— Вы тут, — сказал Гайка, — потому что во всем должен быть порядок. Знаете, почему я Гайка? Потому что верую в резьбу. Вы трое попросили меня убить друг друга. Ты, Матвей, обещал машину. Ты, Марк, скопил денег. Ты, Иван, старший и бедный, обещал жену, когда пожелаю. Но я ничего не желаю, я прихожу и беру, что положено. Мне не надо много. Мне надо, чтобы по правилам. Если я убью всех, мне никто не заплатит. Я пока посижу в снегу, а вы решите, кому тут жить, а кому помереть.

Братья стояли на холоде. Иван дул на пальцы, Матвей думал о потолках, а Марк застегивал и расстегивал куртку, глядя в тень.

Так до сих пор и не решили. Так они и стоят до сих пор. Так и стоят.

Горячие гвозди

Не знаю, как там за морями, а тут сегодня, как вчера. Очнулся, полежал, погрыз подушку, если Бог дал подушку, перевернулся, пригляделся к обстановке, что-то такое поделал, и вот уже снова ночь.

Так было и со мной. Так и со мной было.

Но из ящиков от чего-то когда-то смертельного мы сколотили барную стойку. И каждое утро вставал за нее человек и варил кофе. Быстро. Вода сама становилась густа и черна. Приходили какие-то грязные люди, брали чашечку. День ото дня их было больше.

Потом пришла Нинель.

— Три вопроса, — сказала Нинель. — Первый. Мука и дрожжи?

— Найдем, — сказал человек.

— Второй. Вы этих придурков, черных и белых, тупых и слепых, несмотря ни на что — любите?

— Ну, в общем, да, — сказал человек.

— Третий. При каких обстоятельствах вы привяжете женщину к стулу?

— Никогда, — сказал человек, что-то в нем дрогнуло, и он из большого стал маленьким. Но лишь на миг.

Нинель. Длинная женщина с грудями, как два солнца. Кто пытался погреться, получал по рукам.

— Что ты сделал для мира, чтобы меня коснуться? — говорила Нинель.

Страшная женщина с глазами, как фары катафалка на встречной. Нинель пришла, и в кабаре запахло пирожками. У нее были шрамы повсюду и тихая хромота, но где-то в прошлом, где ее мучили, она научилась печь.

Ее пирожки сияли. И люди, отломив кусок, сидели ошалелые, забыв, как тосковать и материться.

А потом к нам снова пришли, и снова их было трое. Без оружия. Но с тремя чемоданами, полными пустоты. Одинаковые, как прутья решетки. С голосами, как звон металла о металл. Вслед за тремя убийцами три чиновника к нам пришли. Первый достал папку толщиной с нож для разделки туш. Второй достал карандаш — иглу хирурга. Третий стал задавать вопросы и не слушать ответы:

— Вы кто? Откуда? Сколько вас? Зачем вы здесь? И почему? Вы понимаете разницу между «зачем» и «почему»? Понимаете? А? Так почему? И без разрешения? А? Не слышу. Что же вы? Как же вы? Эх, вы. Надо же. Ну, надо же. Надо. Надо. Надо, сами понимаете... Надо дать.

И они протянули ладошки.

И что-то было в этой троице такое, что стало ясно: отдадим им и деньги, и силы, и время, а если останутся силы и время сделать детей, то и дети наши будут у них в долгу.

Но вошла Нинель с подносом сияния, и все отбросили тени, а человек — такую, что потолок бывшего бункера стал черней ночного неба в дождь.

— Нинель, дай им пирожок, — сказал человек.

Трое взяли по пирожку. Надкусили. И дрогнули. Что-то будто в них переменялось — будто не было всех этих лет адаптации к переменчивым обстоятельствам, будто они в результате не конченные козлы и одинаковое ничто, будто что-то в них осталось нормальное.

— Это вкусные пирожки, с мясом, — сказала Нинель. — Пока не с вашим. Но будут с вашим, если придете еще хоть раз.

ТОРЖИТЕ ЛЕБЕЗДА

ЭТО ВКУШЛИЕ ПИРОЖКИ
S MЯСОМ + S WAШИМЯ.
ПОКА НЕ

